

ДЭВИД ЛЕВИТАН РЭЙЧЕЛ КОН

ДВЕНАДЦАТЬ ДНЕЙ
ДЭША
И ЛИЛИ

ПРОДОЛЖЕНИЕ БЕСТСЕЛЛЕРА

«ЗАПИСНАЯ КНИЖКА ДЭША И ЛИЛИ»

Дэвид Левитан
Двенадцать дней Дэша и Лили
Серия «Young Adult. Дэш
и Лили от Netflix», книга 2

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66482768
Двенадцать дней Дэша и Лили: Эксмо; Москва; 2022
ISBN 978-5-04-159349-0

Аннотация

Прошел год с тех пор, как Дэш нашел записную книжку с головолomками, которую оставила Лили. Благодаря этой жизнерадостной девушке он встретил лучшее Рождество в своей жизни.

Снова приближаются новогодние каникулы, но радость Лили омрачила тяжелая болезнь ее бабушки. Она так расстроилась, что даже забыла купить елку. К тому же в отношениях с Дэшем появилась трещина, и они начинают отдаляться друг от друга.

До Рождества осталось всего двенадцать дней, и Дэшу предстоит сделать невозможное. Он должен не только подарить Лили настоящее праздничное настроение, но и вернуть любовь.

Содержание

Глава 1. Дэш	5
Глава 2. Лили	27
Глава 3. Дэш	44
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Дэвид Левитан
Двенадцать дней
Дэша и Лили

The Twelve Days of Dash & Lily

Rachel Cohn, David Levithan

© 2016 by Rachel Cohn and David Levithan

© Н. Павлива, перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. Издательство

«Эксмо», 2022

Глава 1. Дэш

Груша на куропаточном дереве¹

13 декабря, суббота

Мы встречаемся с Лили уже почти год, но, что бы я ни делал, ее брат по-прежнему недолюбливает меня, не доверяет мне и не считает меня даже относительно достойным его сестры. Поэтому для меня было шоком, когда он позвал пообедать с ним с глазу на глаз.

«Ты, часом, номером не ошибся?» – написал я ему.

«Не будь придурком. Просто приходи», – ответил он.

Ужасно не хотелось признаваться себе в этом, но на самом деле я знал, почему Лэнгстон хочет встретиться со мной и о чем собирается говорить.

¹ Переиначена строка из песни «The Twelve Days of Christmas», которая звучит так: «A partridge in a pear tree» («Куропатка на грушевом дереве»). В песне поется о девушке, которая в течение двенадцати дней дарит своему возлюбленному подарки: в первый день – куропатку на грушевом дереве, на второй – двух голубей, на третий – три французские курицы, на четвертый – четыре певчие птички, на пятый – пять золотых колец, на шестой – шесть гусынь, на седьмой – семь плавающих лебедей, на восьмой – восемь молочниц, на девятый – девять танцующих дам, на десятый – десять скачущих лордов, на одиннадцатый – одиннадцать волынщиков, на двенадцатый – двенадцать барабанщиков. Названия двенадцати глав этой книги перекликаются с соответствующей строчкой из песни. – *Здесь и далее примечания переводчика.*

Брат Лили не прав на мой счет, но прав в том, что есть проблема и ее нужно решать.

Год выдался тяжелым.

Не с самого начала.

Начало года как раз тянуло на плебейские понятия «суперское» и «клевое», поскольку Рождество и Новый год ода-рили меня непривычной потребительской и постпотребительской депрессией, а Лили – светлой и жизнерадостной, верящей Лили. Благодаря ей я по-иному взглянул на сказочного добряка-пухляка в красной шубе при турбо-санях. Благодаря ей радовался, когда Отец Время сдал ключи новорожденному дитятке году и сказал: «Вперед, теперь ты у руля!» Благодаря ей стал с легким цинизмом относиться к своему же цинизму. Мы начали год с поцелуев в складском помещении с редкими книгами нашего любимого книжного – «Стрэнда». Это предвещало все только самое хорошее.

Какое-то время так и было.

Она познакомилась с моими друзьями. Знакомство прошло замечательно.

Я повстречался с членами ее бесчисленного семейства. Знакомство прошло неплохо.

Она познакомилась с моими родителями и их отчимами. Те несколько подрастерялись, когда их сынок-туча привел домой девушку-солнце. Но, конечно же, не расстроились. Наоборот, пришли в такое благоговение, какое обычно вызывают у ньюйоркцев идеальные бублики, поездки на такси

по «зеленому коридору» и звездные фильмы Вуди Аллена (один к пяти).

Я познакомился с любимым дедушкой Лили. Ему понравилось мое рукопожатие. Он сказал, такого рукопожатия достаточно для его одобрения. Но я и дальше искал его расположения. У этого человека загораются глаза при воспоминании о том, как он играл в бейсбол пятьдесят лет назад!

Одобрения Лэнгстона, брата Лили, мне никак не удавалось снискать. Чаще всего он не мешался, оставляя нас наедине. И это здорово. Я встречался с Лили не для того, чтобы общаться с ее братом. Я встречался с Лили, чтобы общаться с ней.

И еще как общался! Мы учимся в разных школах и живем в разных районах, поэтому местом отдыха и развлечений для нас стал весь Манхэттен: сначала мы прогуливались по заледеневшим паркам, а потом отогревались в кофейнях и интернет-кафе. Я показал Лили свои любимые уголки нью-йоркской публичной библиотеки. Она показала мне свои любимые сладости в пекарне «Левейн»... то есть *все*.

Манхэттен ничуть не возражал против наших блужданий.

Январь сменился февралем. Холод стал пронизывать город насквозь. Все реже лица прохожих освещали улыбки. Долгожданный и завораживающий снег уже не радовал, покрывая собой окрестности. Мы бродили по городу продрогшие и окоченевшие.

Но Лили... Лили не обращала на это внимания. Лили –

это варезки, горячий шоколад и снежные ангелы, вспорхнувшие с заснеженной земли и танцующие в воздухе. Она любит зиму. Интересно, есть ли время года, которое она не любит? Я искренне пытался проникнуться ее энтузиазмом. Мое душевное состояние создано для мучений, а не для тепла. Я не понимал, как можно быть такой счастливой. Однако именно эта любовь меня и пленила, поэтому я решил просто жить в ней, не задаваясь излишними вопросами.

Потом...

За два дня до дня рождения Лили, в мае, я попросил своего друга Бумера помочь мне связать ей красный свитер. Обнаружил, что, даже пересмотрев тонну видео на Ютубе, за день кофту не свяжешь. Сначала я не услышал звонка. Затем услышал, но у меня были заняты руки. И только спустя два часа я увидел, сколько мне пришло сообщений.

Лишь прослушав эти сообщения, я узнал, что любимый дедушка Лили пережил инфаркт в самое неподходящее время – когда поднимался по лестнице к себе наверх. Он упал. И катился, катился, катился по ступенькам вниз. После чего не меньше получаса лежал внизу в полубессознательном состоянии, пока домой не вернулась Лили. «Скорая» ехала к ним целую вечность. При Лили у дедушки остановилось сердце. При Лили медики вернули его к жизни. И пока она мучительно ждала, находившийся на грани смерти дедушка с трудом выкарабкался, оставшись по эту сторону жизни.

Родители Лили жили в другой стране. Лэнгстон был на

лекции в университете, где нельзя пользоваться мобильным. Я был слишком занят вязанием своего подарка-сюрприза для нее, чтобы обратить внимание на звонки. Лили в одиночестве просидела в приемной Пресвитерианской больницы Нью-Йорка, страшаясь потерять человека, об утрате которого она никогда не задумывалась.

Ее дедушка выжил, но восстановление заняло длительное время. Он выжил, но шаги к исцелению были очень болезненными. Он выжил, потому что Лили помогала ему жить, но эта помощь не прошла бесследно для нее. Потерять дедушку было бы ужасно для Лили, но видеть его постоянные страдания, постоянное бессилие и сокрушенность было не легче.

Домой вернулись родители Лили. Лэнгстон предложил взять в университете академический отпуск. Я пытался быть рядом, помочь. Но она все взвалила на себя. Дедушка – ее ответственность, и никак иначе. А он слишком страдал, чтобы возражать. Не мне его винить: случись что со мной, я бы тоже хотел, чтобы именно она поставила меня на ноги. Чтобы именно она вернула меня к жизни. Даже если бы она сама при этом перестала ощущать эту самую жизнь во всем ее великолепии.

Когда что-то идет не так, больше всего страдает тот, кто верит в лучшее. Лили не хотела говорить об этом, а у меня не хватило красноречия убедить ее посмотреть на происходящее с другой стороны. Она хотела видеть во мне убежи-

ще. Так прямо и сказала, заставив трепетать мое сердце. И я поддерживал ее, но это была пассивная поддержка стула или столба, а не активная поддержка человека, не дающая упасть другому человеку. Пока ее дедушка проходил операции, осложнения после операций и физиотерапию, мы все меньше проводили время вместе: меньше бродили по городу, меньше забредали в мысли друг друга. В мгновение ока пролетели экзамены, наступило лето. Лили устроилась волонтером в реабилитационный центр, в котором восстанавливался ее дедушка, – чтобы подольше быть с ним и помогать другим людям, нуждавшимся в ее помощи так же сильно, как он. Я чувствовал себя виноватым, поскольку в то же самое время отдыхал то с мамой, то с отцом: отец пытался переплюнуть мамино путешествие в Монреаль непродуманной развлекательной поездкой в Париж. Мне хотелось орать на отца из-за этой поездки, но я вовремя опомнился. Орать на отца за то, что он везет сына в Париж? Бред. Просто мне хотелось быть подальше от него, мне хотелось быть рядом с Лили.

С началом нового учебного года наши отношения стали налаживаться. Ее дедушка снова ходил и стал мягко прогонять Лили, ради ее же блага. Мне казалось, она вздохнет с облегчением. Она и правда чувствовала облегчение, но в глубине души продолжала бояться за дедушку. Я не лез к ней в душу, считая, что если делать вид, будто все в порядке, в один прекрасный момент полуложь превратится в полуправ-

ду, а потом и вовсе станет правдой.

Погрузившись в школьную жизнь, в окружении друзей я с легкостью убедил себя в том, что у нас с Лили вновь все нормально. Мы замечательно проводили время, гуляя по городу и одновременно забывая о нем. Лили не открывала мне полностью свое сердце, но мне хватало того, что она позволяла увидеть. Себя, смеявшуюся над схожестью хозяев собак с их питомцами. Себя, плакавшую над телевизионным шоу, в котором возрождают рестораны, близкие к закрытию. Себя, державшую в своей комнате на случай моего прихода пакет с вегетарианским зефиром, потому что я однажды сказал ей, как обожаю его.

И только с приближением Рождества показались первые трещины.

Обычно в Рождество мое сердце усыхает и черствеет. Мне ненавистно то, как туристы заполняют улицы и привычный гул города заглушают избитые мотивы и сантименты. Большинство людей считают дни до наступления Рождества, чтобы успеть закупиться. Я считаю эти дни в ожидании, когда пройдет Рождество и наступит настоящая, суровая зима.

В моем сердце оловянного солдатика не было места для Лили, но она проникла в него. И принесла с собой Рождество.

Поймите меня правильно, мне претят все эти фальшивые пожелания добра в конце каждого года, которые люди раздают друг другу, чтобы потом, перевернув календарный лист,

напрочь забыть о доброте. Такая амнезия мне не по вкусу. Лили же носит в сердце добро всегда и везде, круглый год. Теперь я и в других замечаю это: сидя за столиком кафе «Ле-Пейн» в ожидании Лэнгстона, вижу, с какой бесконечной добротой и нежностью смотрят друг на друга влюбленные парочки; так же смотрят на своих детей большинство родителей (даже донельзя вымотанные и уставшие). Я везде вижу частичку Лили. Ту самую, которую все меньше вижу в ней самой.

И, видимо, не я один. Лэнгстон, не успев прийти, тотчас выпалил:

– Слушай, последнее, чего мне хочется, – трапезничать тут с тобой, но нам нужно действовать. И действовать немедленно.

– Что случилось?

– До Рождества осталось всего двенадцать дней.

Я кивнул. В конце концов, сегодня тринадцатое декабря.

– Так вот, до Рождества всего двенадцать дней, а у нас в квартире образовалась зияющая дыра. Знаешь, отчего?

– Термиты?

– Заткнись. Дыра у нас в квартире оттого, что там нет рождественского дерева. Обычно Лили ждет не дождется конца празднования Дня благодарения, а потом бежит сломя голову за елкой. Считает, что в городе все самые лучшие елки разбирают заранее, и чем дольше ждать, тем скорее тебе достанется самая неказистая. Поэтому к первому декабря елка

уже стоит в нашем доме, и следующие две недели Лили ее наряжает. Четырнадцатого декабря мы устраиваем церемонию зажигания елки: Лили притворяется, будто такова наша давняя семейная традиция, но правда в том, что она сама начала ее в возрасте семи лет. А в этот год – ничего. Елки нет. Украшения лежат в коробках. Завтра должна быть церемония. Миссис Бэзил уже заказала праздничный ужин, и я не знаю, как сказать ей, что у нас даже елки нет для зажигания.

Мне понятен его страх. В ту минуту, когда их двоюродная бабушка – которую мы все зовем миссис Бэзил – откроет дверь в квартиру и учует отсутствие елки, всем придется ох как несладко. Она не станет скрывать своего недовольства.

– Так почему ты просто не купишь елку? – спросил я.

Лэнгстон хлопнул себя по лбу ладонью, потрясенный моей тупостью.

– Потому что это – дело Лили! Обожаемое ею дело. Купив елку без нее, мы укажем на то, что она не сделала этого сама. Лили только еще больше расстроится.

– Да-да, ты прав.

Подошла официантка, и мы заказали пирожные. Оба понимали, что нам не о чем будет общаться полноценный обед.

– Ты напоминал ей о елке? – спросил я, сделав заказ. – Ну, о том, что ее надо купить?

– Пытался. Прямо в лоб: «Хей, может, сходим за елкой?» И знаешь, что она ответила? «Я не в настроении для этого».

– Совершенно не похоже на Лили.

– А я о чем! В общем, отчаянные времена требуют отчаянных мер. Потому я и написал тебе.

– Но чем я тут могу помочь?

– Она говорила с тобой об этом?

Несмотря на воцарившееся между мной и Лэнгстоном временное перемирие, мне не хотелось выкладывать ему полную правду – что мы с Лили вообще мало о чем говорили после Дня благодарения. Время от времени мы ходили в музей или кафе. Время от времени целовались и позволяли себе чуть больше, чем поцелуи (нет-нет, ничего такого, чего нельзя показать по Си-би-эс»). Мы вроде по-прежнему были в отношениях. Однако эти отношения уже казались лишь видимостью.

Я не сказал этого Лэнгстону, поскольку стыдился того, что позволил нам с Лили дойти до такого. И не сказал этого Лэнгстону, поскольку боялся, что это встревожит его. Моя собственная тревога уже зашкаливала.

– Нет, мы не говорили о елке, – в конце концов ответил я.

– И Лили не приглашала тебя на церемонию ее зажигания?

Я покачал головой:

– Впервые слышу о ней.

– Так и думал. Видимо, на церемонию придут только члены семьи, участвующие в ней каждый год. Обычно Лили всем раздает приглашения. Но, похоже, у нее и на это нет настроения.

– Нам точно нужно что-то делать.

– Да, но что? Я буду чувствовать себя предателем, если пойду и куплю елку без Лили.

Я задумался, и мне пришла в голову мысль.

– Прибегнем к уловке?

Лэнгстон склонил голову набок:

– Я весь внимание.

– А если мне купить елку? В подарок. Елка будет частью моего рождественского подарка Лили. Она не знает, что мне известна ваша семейная традиция. Я просто заявлюсь с елкой, и все.

Лэнгстону явно не хотелось признаваться в том, что ему понравилась моя идея, так как это значило бы, что ему нравлюсь я. Однако спустя мгновение его глаза радостно вспыхнули.

– Можно сказать ей, что это подарок в честь двенадцати дней Рождества, – предложил он. – Как бы начало празднования.

– Разве двенадцать дней Рождества начинаются не *после* Рождества?

– Какая разница, – отмахнулся Лэнгстон.

Я сомневался, что все будет так просто, но попытаться стоило.

– Ладно. Я принесу елку. Ты сделаешь удивленный вид. Этого разговора между нами никогда не было. Верно?

– Верно.

Принесли наш заказ, и мы начали набивать рты. Минуту спустя покончили с едой, и Лэнгстон потянулся за бумажником – видно, чтобы оплатить счет. Однако он выложил на стол передо мной несколько двадцаток.

– Забери свой презренный металл! – возмутился я. Наверное, слишком громко для кафе.

– Не понял, – удивился Лэнгстон.

– Я сам обо всем позабочусь, – перевел я, отправив банкноты по столу к нему.

– Но ты же понимаешь, елка должна быть красивой. Самой лучшей.

– Не беспокойся, – сказал я ему и ввернул фирменную нью-йоркскую фразу, которая тут в ходу со стародавних времен: – Связи решают все.

* * *

Если ньюйоркцы не идут к елкам, то в декабре елки сами идут к ньюйоркцам. У магазинов шаговой доступности, двери которых в обычное время обрамлены корзинами с цветами, внезапно выросли целые хвойные леса: их пустые стоянки теперь «засажены» деревьями без корней. Некоторые заведения открыты чуть ли не до утра, на случай если кому-то вдруг приспичит приобрести рождественский символ в два часа ночи.

Одни владельцы этих хвойных местечек смахивают на лю-

дей, решивших отдохнуть малек от наркобизнеса и поторговать иглами попроще. Другие – во фланелевом прикиде, – похоже, впервые выбрались из какого-то захолустья и никак не могут опомниться, оказавшись в большом городе. Им часто помогают ученики, нуждающиеся в самой временной работе из всех временных работ. В этом году одним из таких учеников был мой лучший друг Бумер.

Он воспринимает эту работу как кривую обучения. Пересмотренный сотню раз мультфильм «Рождество Чарли Брауна» почему-то внушил ему мысль, что ель – растение хилое и капризное, но при том и самое желанное, поскольку бережный уход за ним больше в духе Рождества, нежели покупка неприхотливой сосны. Еще он считает, что ели после окончания Рождества можно снова посадить в землю. У нас с ним по этому поводу состоялся непростой разговор.

К счастью, неразумность Бумера искупалась искренностью и душевностью, поэтому место его работы – стоянка на Двадцать второй улице – прославилось наличием первого-классного елового эльфа Бумера. Купаясь во всеобщем признании, он, наверное, радовался тому, что в двенадцатом классе перевелся из частной школы в манхэттенскую. Друг уже помог мне выбрать елки для маминой и отцовской квартир. (Маме досталась очень красивая.) Уверен, он охотно поможет выбрать и самую лучшую елку для Лили. Однако чем ближе я подходил к стоянке, тем сильнее сомневался. Не из-за Бумера, а из-за... Софии.

Не один только Бумер покинул элитную школу. Новый учебный год принес с собой и другие сюрпризы. Удивительно, но семья моей бывшей девушки Софии, поклявшаяся никогда больше не покидать Барселону, вернулась в Нью-Йорк. Неудивительно, что я был рад ее видеть: мы уладили вопрос наших взаимоотношений в ее последний приезд и никаких проблем от возвращения бывшей подружки не предвиделось. Однако ЧРЕЗВЫЧАЙНО УДИВИТЕЛЬНО, что София начала гулять с Бумером... много гулять с Бумером... слишком много гулять с Бумером. Я еще не успел свыкнуться с мыслью о возможных отношениях между нами, как они уже стали парой. Это было все равно что взять самый изысканный и дорогой сыр в мире и сунуть его в бургер. Я люблю их обоих, по-разному, но от того, что вижу их вместе, и у меня начинается головная боль.

Последнее, чего мне хотелось, столкнуться на рабочем месте Бумера с Софией и попасть под флюиды влюбленных, которыми они пронизывают весь квартал. У них конфетно-букетный период, и те, кто его давно прошел и вступил в следующую стадию отношений, чувствуют рядом с ними неловкость.

В общем, я с облегчением нашел Бумера в обществе не Софии, а семейства из семи, или восьми, или девяти человек – трудно определить, когда дети мечутся туда-сюда.

– Эта елка создана для вас! – вещал Бумер так, словно мог говорить с деревьями и ель сама ему сказала, что жаждет

очутиться в столовой этой семьи.

– Она очень большая, – ответила мама семейства. Наверное, представила засыпанный иголками пол.

– О да, у нее очень большое сердце, – отозвался Бумер. – Поэтому вы и чувствуете с нею связь.

– Странно, – сказал отец семейства, – но я действительно ее чувствую.

Сделка совершилась. Принимая оплату по кредитной карте, Бумер заметил меня и помахал рукой. Я подождал ухода семейства, боясь ненароком наступить на одного из малышей.

– Ну и махину ты им всучил, – проводил я их взглядом. – Пылесосить замучаются.

Друг выглядел озадаченным.

– Зачем елку пылесосить? Она не пыльная. Хочешь сказать, она – пылесборник?

– Не елку, а пол.

– А пол зачем? Думаешь, у них грязно?

Мыслительный процесс Бумера непостижим и извилист. Частично поэтому я и удивлялся, как кто-то, столь прямолинейный, как София, может проводить с ним столько времени.

– Мне нужна елка для Лили. Особенная.

– Ты купишь Лили елку?

– Да, в подарок.

– Мне это нравится! А где хочешь ее купить?

– Я думал, тут.

– Ух ты! Отличная идея!

Бумер огляделся, бормоча себе под нос что-то, подозрительно похожее на «Оскар... Оскар... Оскар...»

– Кто такой этот Оскар? Коллега по работе? – не удержался я от вопроса.

– Деревья считаются коллегами по работе? Они тут со мной целый день... и мы ведем интересные беседы...

– Оскар – рождественское дерево?

– Оскар – идеальное рождественское дерево.

– Тут у всех елок имена?

– Только у тех, кто открыл их мне. Нельзя же просто подойти и спросить, как их зовут. Это бестактно.

Бумер отложил с дюжину елей, прежде чем добрался до Оскара. И когда вытащил его на свет, тот показался мне абсолютно таким же, как его собратья.

– Это он? – удивился я.

– Ты погоди... сейчас увидишь.

Бумер отнес Оскара в сторону от когорты елей, на тротуар. Дерево было на несколько футов выше его самого, но друг нес его так, словно тот был легким, как перышко. Необычайно деликатно Бумер поставил елку на крестовину, и стоило той оказаться на подставке, как что-то произошло – Оскар распростер руки и поманил меня под свет уличного фонаря.

Друг прав. Эта ель – то, что надо.

– Беру, – сказал я.

– Класс, – отозвался Бумер. – Мне завернуть его в подарочную бумагу? Раз это подарок?

Я уверил друга, что достаточно праздничной ленты.

* * *

Ловить такси подростку непросто. Ловить такси на пару с рождественским деревом почти невозможно. Поэтому до окончания смены Бумера я ходил по своим делам, а потом мы вместе отвезли Оскара на квартиру Лили в Ист-Виллидж.

Я редко бываю тут. Лили не приглашает меня, объясняя это тем, что не хочет беспокоить дедушку, но я думаю, она не хочет добавлять еще один элемент в творящийся у нее дома хаос. Ее родители сейчас проводят дома больше времени, чем последние несколько лет. Их присутствие должно бы сильно помогать ей, но, похоже, наоборот, обременяет: приходится заботиться еще о двух людях.

Дверь открыл Лэнгстон, и, увидев меня с Бумером и елкой, громко крикнул:

– Ух ты! Ух ты! УХ ТЫ!

Я подумал, что Лили дома и в пределах его слышимости. Но оказалось, они с дедушкой ушли на медицинский осмотр. Родителей тоже не было дома, так как общительные люди обычно не торчат дома в субботу. Значит, в квартире только мы трое и... Оскар.

Пока мы устанавливали ель на подставку в гостиной, я усиленно пытался не замечать, в каком плачевном состоянии находится дом. Такое ощущение, будто последние месяцы бедняга задыхался от пыли и выцветал. Я знал, как и чем живет эта семья, и понимал: дедушка вышел из строя, и Лили нет ни до чего дела. А именно они – настоящие хранители этого места.

Когда Оскар гордо расправил еловые ветви, я полез в рюкзак за гвоздем программы – предметами, которые, надеюсь, не будут отвергнуты.

– Что ты делаешь? – спросил Лэнгстон, видя, как я развешиваю на Оскаре украшения.

– Это крошечные индюшки? – воскликнул Бумер. – Ты украшаешь елку так же, как в Плимуте?

– Это куропатки, – объяснил я, показав деревяшку, вырезанную в форме птицы с большой дыркой по центру. – А точнее, куропаточные кольца для салфеток. В магазине, название которого я ни за что не произнесу вслух, украшений с куропатками не было. – Магазин называется «Рождественские воспоминания». Пришлось мысленно переименовать его в «Рождественские возлияния». – Если у нас двенадцать дней до Рождества, то пусть это и будут двенадцать дней до Рождества. Лили украсит остальную часть дерева сама. Но это будет куропаточное дерево. А наверху у нас будет... груша!

Я вытащил указанный фрукт из рюкзака, ожидая восхищения. Однако Лэнгстона перекосило.

– Нельзя водружать грушу на верхушку елки, – заявил он. – Она глупо смотрится. И сгниет через пару дней.

– Но это груша! На куропаточном дереве! – возразил я.

– Я понял, – заверил Лэнгстон.

Бумер заржал. Он явно ничего не понял.

– У тебя есть идея получше? – вызывающе спросил я.

Лэнгстон на миг задумался, затем ответил:

– Да. – Прошел к стене и снял с нее маленькую фотографию. – Вот.

Он показал мне снимок. Хотя фотографии было не меньше полтинника, я сразу же узнал дедушку Лили.

– Рядом с ним ваша бабушка?

– Ага. Любовь его жизни. Они были идеальной парочкой.

Парочка на куропаточном дереве. Изумительно.

Повесить снимок на дерево удалось далеко не с первой попытки. Мы с Лэнгстоном примеряли его на разные ветви, а Бумер уговаривал Оскара стоять смирно и не мешать нам. В конце концов мы примостили «парочку» почти у самой макушки ели, а снизу на нее поглядывали птицы.

Пять минут спустя входная дверь распахнулась, вернулись Лили с дедушкой. Хотя дедушку Лили до падения с лестницы я знал всего ничего, меня поразило то, каким маленьким и худым он стал. Его словно не лечили в больницах и реабилитационных центрах, а бесконечно стирали, из-за чего он постепенно усаживался и истончался.

Но его рукопожатие было по-прежнему крепким. Один

взгляд на меня, и он тотчас протянул руку:

– Как жизнь, Дэш? – Если уж дедушка Лили пожимал руку, то пожимал знатно.

Лили не спросила, что я делаю у них дома, но этот вопрос отразился в ее уставших глазах.

– Как доктор? – спросил Лэнгстон.

– Получше гробовщика, – отозвался дедушка Лили. Он не впервые шутил так при мне, а Лили, наверное, слышала эту фразу уже сотни раз.

– А что, у гробовщика воняет изо рта? – вышел в коридор Бумер.

– Бумер! – воскликнула Лили. Теперь она была совершенно сбита с толку. – А ты тут откуда?

– К моему несказанному удивлению, – влез в разговор Лэнгстон, – твой Ромео принес нам довольно ранний рождественский подарок.

– Закрой глаза, – попросил я Лили, взяв ее за руку. – Позволь я сам тебе его покажу.

Пальчики Лили были слабыми, не то что у бабушки. Раньше при каждом соприкосновении нас словно прошибало током, теперь осталось лишь статическое гудение. Приятное, но еле заметное.

Лили закрыла глаза. И послушно открыла их, когда мы вошли в гостиную.

– Познакомься с Оскаром, – сказал я. – Твой подарок на первый день Рождества.

– Это парочка на куропаточном дереве! – закричал Бумер.

Лили молча разглядывала елку. Она выглядела удивленной, не более. Возможно, сказывалась сильная усталость. Затем, словно очнувшись, Лили улыбнулась.

– Правда, не стоило... – начала она.

– Я хотел этого! – поспешно прервал ее я. – Очень, очень хотел!

– А где парочка? – спросил дедушка Лили. Потом увидел фотографию, и на его глазах выступили слезы. – О. Понятно. Это мы.

Лили тоже увидела снимок, и если он и вызвал у нее слезы, то только в душе. Я, честно, не понимал, что у нее на сердце. Выражение лица Лэнгстона, который пристально всматривался в сестру, мне тоже ни о чем не сказало.

– Счастливого первого дня Рождества, – поздравил я.

Лили покачала головой.

– Первый день Рождества – само Рождество, – ответила она.

– Но не в этом году. Не для нас.

Лэнгстон предложил достать елочные украшения. Бумер вызвался помочь с коробками, за которыми решил сходить дедушка. Это выдернуло Лили из ее мыслей. Она потянула дедушку к дивану в гостиной, сказав, что в этом году он за украшением елки понаблюдает со стороны. Ему это явно не понравилось, но он знал, что, затеяв спор, ранит чувства Лили. Поэтому он послушно сел. Ради нее.

Коробки принесли в гостиную. Я понимал: пора и честь знать. Украшение елки – семейная традиция. Если я останусь, притворившись частью этой семьи, то буду ощущать это притворство так же сильно, как ощущаю, насколько тяжело дается Лили радостный вид и показное желание делать то, к чему мы ее побуждаем. Она украсит елку ради брата, бабушки и родителей. Она сделает это и для меня, если я останусь. Мне же хотелось, чтобы она сделала это ради себя. Хотелось, чтобы она, как и в прошлом году, чувствовала волшебный дух Рождества. Но для этого нужно нечто большее, нежели идеальная елка. Для этого, возможно, нужно настоящее чудо.

Двенадцать дней.

У нас осталось двенадцать дней.

Я всю жизнь избегал Рождества. Только не в этом году. В этом году мне больше всего хочется, чтобы в рождественские дни Лили снова стала счастливой.

Глава 2. Лили

Два голубка (на передаренном свитере)

13 декабря, суббота

Я зла на глобальное потепление по всем очевидным причинам, но больше всего я зла на него за испорченное Рождество. В это время года мы должны стучать зубами от холода и закутываться в пальто, шарфы и варежки. От нашего дыхания на улице должны образовываться облачка пара, а в воздухе ощущаться обещание снега. Семьи должны греться дома у разожженных каминов, попивая горячий шоколад и обнимая домашних любимцев. Лучший предшественник Рождества – вызывающий мурашки холод. С его наступлением приходит и хорошее настроение. Мы поем радостные песни, заготавливаем гору печений, собираемся на семейные посиделки с любимыми людьми и ждем самых важных подарков сезона. Предшествующие Рождеству дни не должны быть такими, как эти: мягкими, теплыми, двадцатиградусными. С разгуливающими в шортах покупателями, попивающими мятный латте со льдом (фу), и постоянно мажущими игроками фрисби, из-за которых выгульщикам собак в Томпкинс-сквер грозит сотрясение мозга. В этом году в

словно весеннем воздухе не ощущается Рождества, холод не спешит к нам, поэтому и я не спешу радоваться лучшему времени года.

На улице холода не хватает, зато я ношу его внутри и про­низываю им Дэша, совершенно незаслуженно.

– Если тебе нужно идти, то иди, – сказала я бесцеремонно. *Бесцеремонно*. Слово из словаря Дэша – грубое, непостижи­мое, отчужденное. Странно, что оно вообще мне известно. Помимо миллиона связывающих меня по рукам и ногам обя­зательств еще приходится готовиться к экзаменам. Мысль об этом вызывает во рту привкус горечи. (Почему для по­ступления в университет необходимо изучать такие слова? Без них что, нельзя получить высшее образование? Как бы не так! Это просто ненужная трата времени, ненужная трата умственных усилий. Уверена, родители не расстроятся, ес­ли я не пополню свой словарный запас словом вроде *бесце­ремонно*.)

– Ты же сама не хочешь, чтобы я остался? – спросил Дэш, словно выпрашивая позволения поскорее сбежать от моего докучливого дедушки и брата, который в лучшем случае бу­дет его терпеть, а в худшем – страшно грубить. Мне непри­ятно видеть возникшую между Лэнгстоном и Дэшем враж­ду, но они, похоже, принимают ее за приятное спортивное состязание. Если бы в викторине «Своя игра» задали вопрос: «Что Лили знает об особях мужского пола?», верным был бы ответ: «Ничегошеньки!»

– Я хочу, чтобы ты делал то, что тебе по душе, – ответила я, но мысленно просила: «Останься, Дэш. Пожалуйста! Эта рождественская елка – чудо. Я даже не понимала, что мне не хватает ее – на Рождество, от тебя. И хотя мне нужно кучу всего переделать, больше всего на свете мне хочется сейчас украсить эту елку с тобой. Или чтобы ты присел на диван и смотрел, как я наряжаю ее, отпуская насмешливые замечания о языческой традиции, незаконно присвоенной христианством. Мне хочется, чтобы ты был рядом».

– Тебе нравится елка? – Дэш уже застегивал свое пальто, слишком жаркое для теплого дня, и смотрел на мобильный, словно чьи-то сообщения зазывали его в места получше моего дома и моей компании.

– Как она может не нравиться? – ответила я, не желая рассыпаться в дальнейших благодарностях. Не успела я начать разбирать украшения, как Дэш объявил о своем уходе – в тот самый момент, когда я открыла подарочную коробку из «Стрэнда», которую он вручил мне девятнадцатого января в честь дня рождения Патриции Хайсмит. Внутри коробки лежало красно-золотое елочное украшение с черным скетчем – изображением Мэтта Деймона в образе талантливого мистера Рипли. Кто еще, кроме Дэша, мог радостно вручить своей подруге рождественский подарок с лицом знаменитого литературного серийного убийцы? Подарок, из-за которого я стала обожать Дэша еще больше. (На это повлияла литературная составляющая, а не герой-убийца.) В феврале

я убрала его подарок в большую коробку с рождественскими украшениями. В моей душе теплилась надежда, что, когда придет время снова наряжать елку, мы с Дэшем все еще будем вместе. И мы вместе. Но наши отношения *эфемерны* (экзамениционное слово, очень даже применимое к моей жизни). Они более не ощущаются реальными и будто существуют по обязательству: раз каким-то образом дотянули до этого дня, то теперь должны пережить рождественский сезон, поскольку именно с Рождества и начались. А потом можно перестать притворяться, что чувство, изначально столь настоящее и правильное, теперь ощущается... по-прежнему настоящим, но уж точно не неправильным.

– Позаботься об Оскаре, – сказал Бумер и отдал елке салют.

– Каком Оскаре? – удивилась я.

– Рождественском дереве! – ответил Бумер так, словно это очевидно и я обидела Оскара незнанием его имени. – Идем, Дэш, а то на рекламу опоздаем.

– Куда это вы, ребята? Далеко собрались? – с ноткой отчаяния в голосе спросил дедушка. После инфаркта и падения с лестницы ему приходится почти весь день сидеть дома. Его сил хватает лишь на то, чтобы пройти квартал или два, не больше, поэтому он всех гостей донимает вопросами о том, чем они заняты. Дедушке фактически подрезали крылья, он не привык к заточению. На самом деле ему стоило задать Дэшу и Бумеру другой вопрос: «Как можно быть

такими грубыми? Принести прекрасную елку, а потом уйти, не дождавшись, пока ее – то есть Оскара, – нарядят? Что за невоспитанные мальчишки пошли?!»

– Идем фильм смотреть. Начнется через двадцать минут, – ответил Дэш. На его лице не было и тени вины, а ведь он не пригласил меня.

– Какой? – поинтересовалась я. Если он без меня собрался на фильм, который я ужасно хочу посмотреть, то это знак: между нами больше нет связи и, наверное, нам нужно официально расстаться. Я дни считала до праздников, чтобы сходить на «Корги и Бесс», и, если найду время, то посмотрю его раз пять. Хелен Миррен в роли столетней королевы Елизаветы с ходунками для пожилых и фантастическим аниматронным корги, удравшим из-за неудачного фейерверка? Бесчисленные приключения немощной старушки и щенка на территории заколдованного замка Балморал? О да, я в деле! Можете рассчитывать на кучу повторных просмотров, в IMAX и 3D! Судя по трейлеру, просмотренному мною множество раз, это кино обещает стать моим фильмом года. И я лелеяла надежду, что самый первый его просмотр станет рождественским подарком от Дэша. Ведь тогда это будет двойной подарок: сам фильм и время, проведенное с Дэшем.

– Мы идем на «Шкоду и мыши»! – возвестил Бумер с обычной своей интонацией – восклицательной. Ею он подчеркивает все, включая даже самые будние новости.

– Я подумал, ты вряд ли захочешь пойти, поэтому не стал

спрашивать, покупать ли на тебя билет.

Дэш прав. Я бы не пошла на этот анимационный фильм, поскольку уже смотрела его. Как по мне, «Шкода и мыши» напичкана стереотипами, но Эдгар Тибо пришел в восторг от скоростного демона-мышки с чердака, который устраивал гонки на машинах из спичечных коробков, когда все домо-чадцы засыпали.

Я не сказала Дэшу, что уже видела «Шкоду», так как ходила на фильм с Эдгаром Тибо. Не то чтобы мое общение с Эдгаром было для кого-то секретом – Дэш знает, что Эдгар тоже работает волонтером (по решению суда) в реабилитационном центре моего дедушки, – но я не хочу рассказывать ему о том, что время от времени мы гуляем с Эдгаром после работы. Обычно просто идем попить кофейку, а тут впервые пошли не в кафе, а в кино. Не знаю, почему согласилась на это. Эдгар Тибо мне не особо-то нравится. Точнее, достаточно нравится для мерзавца, ответственного за смерть моей мышки-песчанки. Я не доверяю ему. Возможно, Эдгар для меня что-то вроде тайного второстепенного реабилитационного проекта, тогда как главным и по-настоящему важным проектом остается дедуля. Мне хочется помочь Эдгару стать хорошим парнем, и если ему поможет эволюционировать совместный просмотр фильма с девушкой, полностью осознающей, что между ними исключительно платонические отношения, то почему бы нет? Я так устала от забот последних месяцев, что мне был необходим тайм-аут в тем-

ном зале кинотеатра, даже если пришлось смотреть совершенно неинтересный фильм с почти не интересующим меня человеком. Если бы я пошла на «Шкоду» с Дэшем, то весь сеанс только бы и думала о том, поцелует ли он меня, и если не поцелует, то почему? С Эдгаром я задавалась лишь одним вопросом: «Он попросит меня оплатить его попкорн?»

– Хорошо вам повеселиться, – пожелала я бодрым головам. Я же хорошая девочка? Долго обдавать Дэша холодом я не способна. Однако его уход ранил. Мне словно подарили прекрасный подарок, который тут же отобрали.

– О, не сомневайся, мы здорово повеселимся! – пообещал Бумер. Ему не терпелось уйти, и он пятился к двери, из-за чего с такой силой наткнулся на стол у стены, что с того упала настольная лампа. Ничего страшного, разбилась лишь лампочка, однако грохот разбудил дремавшее в моей комнате чудовище.

Мой пес Борис примчался в гостиную и немедленно пригвоздил Бумера к полу.

– К ноге! – скомандовала я.

Бульмастифы, несмотря на их размеры, на удивление замечательно уживаются дома – они не слишком активны. Но по своей сути это сторожевая порода собак, хоть и жалостливая: бульмастифы просто держат злоумышленника на месте, не пытаясь причинить ему вред. Вероятно, Бумер об этом не знал. Я бы тоже до чертиков перепугалась, если бы стотридцатифунтовый пес прижал меня лапами к полу.

– К ноге! – повторила я команду.

Борис отпустил Бумера, подошел ко мне и сел у моих ног, довольствуясь тем, что я в безопасности. Однако это маленькое происшествие разбудило не только его, но и самого младшего шерстяного члена нашей семьи: как всегда лениво, вразвалочку, он вошел в гостиную оценить положение дел и обеспечить охрану территории. Дедушка сейчас живет с нами, поскольку сам о себе позаботиться не может, и его кот Ворчун переехал сюда вместе с ним. Оправдывая свое имя, он заворчал на Бориса – громадину, страшашуюся двенадцатифунтового кота. Бедняга Борис поднялся, положил передние лапы на мои плечи и заскулил, глядя мне в глаза: «Защити меня, мамочка!» Я чмокнула его во влажный нос.

– Успокойся, малыш. Все хорошо.

Наша квартира слишком мала для такого количества людей и животных. Не квартира, а целый зоопарк. Но я не против. Да, мне бы хотелось, чтобы дедушка, еще недавно крепкий здоровьем, всеми уважаемый и общительный человек, не был заточен в нашей квартире точно в тюрьме, так как способен одолеть лестницу лишь один раз в день, и то не всегда. Но если неиссякаемый поток родственников и медицинских работников, помогающих ему и навещающих его, унимает самый сильный страх дедушки – оказаться в доме престарелых, – то я руками и ногами за этот зоопарк. Альтернативный сценарий ужасен. Дедуля частенько заявляет, что из этого дома уедет только вперед ногами в гробу.

Из кухни в гостиную вышел Лэнгстон:

– Что у вас тут происходит? – Практически намек Дэшу, что пора наконец уйти.

– Спасибо за чай и печенья, которыми ты не угостил, – сказал Дэш ему.

– Не за что. Уже уходишь? Замечательно! – Брат пошел открыть входную дверь.

Озадаченный Бумер последовал за ним, а Дэш на миг замешкался. Он, видимо, хотел поцеловать меня на прощание, но потом передумал и вместо этого потрепал Бориса по голове. Предатель Борис лизнул его руку.

Я была раздражена, но все равно растаяла, когда этот обалденно привлекательный парень в пальто приласкал моего пса.

– Завтра мы зажжем елку, – сказала я Дэшу. – Придешь?

Завтра – четырнадцатое декабря! День зажигания елки! А я вообще не думала об этом важном событии, пока Дэш не притащил в мою гостиную елку. Почему? Потому ли, что церемония в этом году ощущается больше как обязанность, чем повод для веселья?

– Обязательно, – ответил Дэш.

Ворчун, наверное, и то бы с большим энтузиазмом принял мое приглашение. Кот погнался за Борисом, и пес, кинувшись прочь, врезался прямо в высоченную стопку книг, стоявшую у стены.

– Ворчун, сюда! – закричал дедушка.

Борис залаял.

– Иди уже! – бросил Лэнгстон Дэшу.

Бумер и Дэш ушли.

Знаю, Дэш почувствовал облегчение.

В моем доме вечная суета. Шум. Хаос. Шерстяная живность. Куча народу.

Дэш любит тишину и порядок. Предпочитает уединение с книгами общению с собственной семьей. У него аллергия на кошек. Порой я думаю: нет ли у него аллергии и на меня?

14 декабря, воскресенье

Год назад у меня была совершенно другая жизнь. Дедушка, будучи в замечательной физической форме, гонял туда-сюда между Нью-Йорком и Флоридой, где в своем жилом комплексе завел себе подружку. У меня не было ни питомцев, ни парня. И я не понимала в полной мере слово «печаль».

Подружка дедушки умерла этой весной от рака, и вскоре после этого его сердце не выдержало. Я знала, что падение дедушки с лестницы было очень серьезным, но в первые мгновения паники не осознавала всей тяжести случившегося: сначала думала лишь о том, когда же наконец приедет «Скорая», потом ехала до больницы, затем обзванивала родственников. И только на следующий день, когда состояние дедушки стабилизировалось, поняла, насколько все плохо. Я пошла в больничную столовую купить себе что-нибудь на

обед, а вернувшись, увидела сквозь окно в его палате миссис Бэзил, сестру дедушки и мою любимую двоюродную бабушку. Она женщина высокая и величественная, носит дорогие украшения и безупречные, сшитые на заказ костюмы, на ее лице всегда идеальный макияж. Так вот эта самая женщина сидела возле спящего дедушки, держа его за руку, и по ее накрашенному лицу текли слезы, оставлявшие темные дорожки туши.

Я никогда не видела миссис Бэзил плачущей. Она казалась такой маленькой. У меня сдавило горло и сжалось сердце. Я по натуре оптимистка – из тех, для кого стакан наполовину полон, – пытаюсь во всем находить что-то хорошее. Но при виде сокрушенной бабушки мое тело и душу охватила сильная печаль. Внезапно я слишком остро ощутила, что дедушка смертен, и мне живо представилось, какие чувства я буду испытывать, потеряв его.

Миссис Бэзил прижала ладонь дедушки к своему лицу и разрыдалась. На секунду я испугалась, что он умер. Затем его рука ожила, он мягко шлепнул сестру по щеке, и она рассмеялась. Тогда я поняла: пока все будет хорошо... но никогда уже не будет, как прежде.

Так в мое сердце вошла печаль. Первая стадия.

Вторая стадия наступила на следующий день и была гораздо хуже.

Как может изменить все простой акт доброты?

Дэш пришел навестить меня в больницу. Я купила в сто-

ловой еду, но почти ничего не съела: голову забили мысли о случившемся, и ни черствый сыр в сэндвичах, ни капустные чипсы (предлагаемые больницей вместо картофельных в жалкой попытке позаботиться о здоровье своих пациентов) не вызывали ни малейшего аппетита. Должно быть, Дэш услышал по телефону в моем голосе усталость и голод, поскольку принес с собой пиццу из моей любимой пиццерии «Папа Джонс». (Той, что находится в Виллидж, а не Мидтауне. Сравнили тоже!) Пицца оттуда – моя идеальная утешительная еда, даже если она остыла по дороге. Стоило увидеть ее – а главное, пиццу нес для меня Дэш! – и на сердце сразу потеплело.

– Как же я тебя люблю! – вырвалось у меня. Я обняла его, уткнулась ему в шею лицом и покрыла ее поцелуями.

Он засмеялся.

– Если бы я знал, что пицца приведет тебя в такой восторг, давно бы ее купил.

Дэш не сказал в ответ: «Я тоже тебя люблю».

Да я и сама осознала свои чувства, лишь произнеся эти слова вслух. И относились они не только к принесенной пицце.

Мои слова «Как же я тебя люблю!» означали: «Я люблю тебя за твою доброту и угрюмость. За щедрые чаевые, даваемые официантам, когда ты используешь кредитку отца. За твой умиротворенный и мечтательный вид во время чтения книг. За твой совет никогда не читать книги Николаса

Спаркса и за твоё смущение и обиду, когда я из любопытства прочитала одну, а потом ещё парочку. Да, они пришлись мне по душе, и ты расстроился из-за этого. Я люблю спорить с тобой на тему литературы и люблю тебя за то, что ты признаешь: если тебе не нравится «фальшивое, неискреннее романтическое чтение», то множеству других людей – включая и твою подружку – такое по вкусу. Я люблю тебя за любовь к моей двоюродной бабушке. Люблю то, насколько ярче, красочней и интереснее стала моя жизнь с того дня, как ты в неё вошел. Я люблю тебя за то, что однажды ты ответил на зов моей красной записной книжки».

Дедуля выжил, но, похоже, часть меня умерла в тот день: радость от осознания, что я по-настоящему полюбила кого-то, очень быстро померкла – я не услышала ответа на своё признание.

Дэш так и не ответил мне: «Я тебя люблю».

А я больше не повторяла этих слов.

Я не обижаюсь на него – правда, не обижаюсь. Дэш нежен и заботлив со мной, и я знаю, что нравлюсь ему. Сильно. Порой, кажется, он сам этому удивляется.

Я сказала: «Как же я тебя люблю!» и в тот миг ощущала любовь к нему каждой толикой своей души, но с той поры, не встретив взаимности, пытаюсь потихоньку отдалиться от Дэша. Я не могу заставить его чувствовать то, что он не чувствует, и не хочу этого делать, поскольку это только причинит мне боль. Вот я и решила запрятать любовь к нему в са-

мый дальний уголок сердца – пусть она там медленно тлеет, не мешая мне казаться Дэшу внешне беспечной и непринудительной.

Вечная занятость хорошо помогает мне в этом. В последнее время я провожу с Дэшем так мало времени, что душа почти перестала болеть. Я не пытаюсь изо всех сил разлюбить его, в один прекрасный момент это случится «по умолчанию». Когда у меня нет уроков в школе, я хожу на подготовку к экзаменам, тренируюсь и играю в футбол, вожу дедушку на физиотерапию, по врачам и на встречи с друзьями. Еще на мне закупка продуктов и готовка: родители слишком заняты своей новой академической работой. Они больше не работают в другой стране, но это практически ничего не меняет. Ближайшее место работы, которое смогла найти мама за короткое время, – должность внештатного преподавателя литературы в общественном колледже Вей-Аутсвилла в Лонг-Айленде, а папа устроился директором частной школы у черта на куличках где-то в Коннектикуте. Лэнгстон делит со мной заботы о дедушке, но с домашней работой помогает постольку-поскольку, как и все парни. Естественно, меня это раздражает. (Может, на мне проклятие какое?) А еще растет мой бизнес по выгулу собак. Он стал настолько востребованным, что миссис Бэзил зовет меня теперь не Медвежонком Лили, а Магнаткой. Со всем этим в совокупности время на Дэша найти очень сложно, и наши редкие встречи приносят все меньше радости и все больше ощущаются обязанностью.

Я перегружена дальше некуда.

Почти ребенок Медвежонок Лили осталась далеким воспоминанием. Такое ощущение, что за последний год я превратилась из юной шестнадцатилетки в престарелую семнадцатилетку.

* * *

Я так закрутилась, что серьезно оплошала со спешным подарком, который собиралась подарить Дэшу на нашей маленькой вечеринке в честь зажигания елки. Я начала работать над ним в начале года, но отложила, когда с бабушкой случилась беда. И теперь, глядя на его воскрешение, тяжело вздохнула. Брат рассмеялся.

– Он *очень* плох, Лэнгстон?

– Он... – Брат слишком долго колебался. – Милый. – Лэнгстон надел изумрудно-зеленый свитер через голову и потянул в стороны боковины. – Но Дэш почти одного размера со мной, а мне этот свитер великоват. Собираешься откормить Дэша праздничными печеньями?

Этот свитер мы подарили папе на Рождество несколько лет назад, купив его в магазине одежды больших размеров. Папа его ни разу не надел, и тот все еще лежал в подарочной коробке. Я украсила свитер: пришила спереди большую снежинку из красного материала, а поверх нее вышила на ветви дерева двух голубков. На брюшке голубя слева я сделала ни-

тью надпись «Дэш», на брюшке голубки справа – «Лили».

Увидев свитер на брате, я уже не могла отрицать очевидного. Нужно снять голубей и пришить их на что-нибудь другое – шляпу или шарф. Не заслуживают они свитера, даже если издают приятные воркующие звуки и от них произошел очаровательный термин «*влюбленные голубки*». Как любителю животных мне хотелось бы считать их прелестными созданиями, но как жительнице Нью-Йорка известно: голуби не прелестны. Они надоедливые.

Да, я действительно ни капельки не чувствую Рождества, раз выплескиваю свое раздражение на шумных птиц, символизирующих рождественский сезон.

– Ты прав, он ужасен, – сказала я Лэнгстону. – Нельзя дарить его Дэшу.

– Умоляю тебя, подари его Дэшу! – отозвался брат.

Прозвенел дверной звонок.

– Снимай свитер, Лэнгстон. Пришли гости.

Я посмотрела на себя в зеркало прихожей, пригладила волосы. Надеюсь, выгляжу презентабельно. Я надела свой любимый рождественский костюм: шерстяную зеленую юбку с вышитыми спереди оленями и красную футболку с круговой надписью «Не переставай верить» с изображением Санта Клауса внутри.

Угощение готово, хвойные ветви Оскара обвивает гирлянда из лампочек, животные заперты в моей спальне, чтобы не доставляли хлопот гостям. Добро пожаловать, Рождество.

Мы всегда рады волшебству.

Интересно, не отец ли Дэша пришел? Мне кажется, если бы Дэш с отцом проводили больше времени вместе, то они бы поладили, и небольшая скромная вечеринка в преддверии Рождества может их к этому подтолкнуть. Прошлым вечером я выслала приглашение маме Дэша, но она ответила отказом, поскольку на то же самое время у нее назначена встреча с клиентом. А сегодняшним утром мне пришла в голову мысль пригласить вместо нее отца Дэша.

К моему огромному удивлению, в открытых дверях я увидела и отца Дэша, и его маму, а между ними – его самого.

– Угадай, кого я повстречал? – сказал он.

Его родители, наверное, в последний раз находились в одном и том же месте в суде при разводе.

Лицо Дэша было безрадостным. Как и лица его родителей.

В Рождество, наконец, повеяло холодком.

Глава 3. Дэш

Под присмотром главной наседки

14 декабря, воскресенье

Если вы засунете Лили в самый точный рентгеновский аппарат в мире и изучите полученные результаты под самым точным земным микроскопом, то не найдете в ней ни единого плохого намерения. Она хорошая до мозга костей. Я как никто другой понимал, что ее ошибка порождена невежеством, а не жестокостью или злой шуткой. Я знал: она не осознает вселенского масштаба своей промашки.

Но, черт побери, я был взбешен.

Сначала, когда я уже собрался идти на вечеринку, меня позвала мама:

– Ты куда? Я иду с тобой!

«Ну ладно, – подумал я. – Мама с Лили прекрасно ладят. Меня это радует. Здорово, что Лили хочет зажечь елку в широком кругу людей. Не страшно».

Я даже не возразил, когда мама спросила: «Ты пойдешь в этом?» и нацепила на меня галстук. Мы впервые выходили с ней вдвоем в свет со времен моей половозрелости, которая все эти обязательные сыновне-мамины выходы упразднила.

Я постарался быть на высоте. В метро мы болтали о том, что ее книжный клуб выбрал для чтения в этом месяце. После того как я признался в полном незнании работ Энн Пэтчетт, мы перешли на другую тему – мама с отчимом на новогодние праздники уезжали из города, я же решил остаться в Нью-Йорке. Все шло хорошо.

Но потом мы вышли на станции метро Лили, и наверху лестницы мама вдруг сжала мою руку.

– Нет. Этого не может быть... Нет.

Сперва я удивился: какое совпадение! Как отец оказался тут, у нас на пути?

Затем увидел в его руках подарок... и понял, в чем дело. День был безнадежно испорчен.

Мама тоже все поняла.

– Лили же не могла?.. – спросила она

Проблема в том, что отвечать не имело смысла. Мы оба знали, что такое возможно.

– О нет, – выдохнула мама. И на глубоком вдохе отрывисто повторила: – Нет. Нет. Нет.

Я знаю немало детей, расстраивающихся из-за развода родителей и жалеющих о развале семьи. Но я никогда не был одним из них. Даже со стороны видно, что мои родители пробуждают друг в друге только самое худшее, а я далеко не сторонний наблюдатель. Когда все развалилось – мне было девять, – казалось, наблюдение за отношениями родителей стало моей круглосуточной работой. Оба считали, что вооруже-

ны сильными качествами характера, но в реальности хватались за переоцененные слабости. От мамы постоянно исходили волны паники и ярости. От отца – надменности и праведного негодования. Я пытался не принимать ничью сторону, но низость отца превосходила все мамины недостатки. С тех пор в их отношениях ничего не изменилось. Отец ничего для этого не делал.

Лили знает, что я чувствую. Знает, что я держу родителей на приличном расстоянии друг от друга – так сказать, вне зоны боевых действий. Только так можно избежать бесчисленных атак со стороны отца, приносящие боль моей маме.

И сейчас маме было больно. Отец причинял ей боль одним своим видом.

– Я понятия не имел, – сказал я.

– Знаю, – ответила она. А потом, взяв себя в руки, решительно последовала за моим отцом.

– Необязательно это делать. Правда. Я объясню все Лили. Она поймет.

Мама улыбнулась.

– Мы не позволим победить террористам, Дэш. Я поучаствую в церемонии зажжения елки, будет там твой отец или нет.

Она даже ускорила шаг, поэтому в квартале Лили мы шли практически следом за отцом. Он по своему обыкновению не оглядывался.

– Пап, – позвал я, когда мы дошли до крыльца дома Лили.

Он повернулся и, увидев меня, нацепил маску «Я отец» (которая ему никогда не подходила). Затем перевел взгляд на стоящую рядом со мной маму и искренне удивился.

– Оу, – вырвалось у него.

– Да, – отозвалась мама. – Оу.

Мы с минуту постояли на крыльце, обмениваясь любезностями без всякого на то желания. Мама справилась о новоиспеченной-но-вовсе-не-новой жене. Отец – о ее новоиспеченном-но-вовсе-не-новом муже. Сюрреализм какой-то. Привычные имена звучали странно из произносящих их обычно уст. Я чувствовал в душе растерянность – ощущение, с которым рос. И мне не хотелось ощущать его снова.

Подарок в руках отца был красиво завернут – возможно, его женой, возможно, продавцом в магазине. Как бы то ни было, это говорило о заботе, которой я лишен годами. В подарок я получаю чеки. Если вообще что-то получаю. А поздравительные открытки за отца подписывает моя мачеха.

Лили еще не успела открыть дверь, как родители начали клеветать друг друга.

– Не знал, что тебя пригласили, – сказал отец.

– А почему меня не должны были пригласить? – ответила мама.

Я попросил их успокоиться. На церемонии будет присутствовать вся семья Лили, и последнее, чего мне хотелось, – чтобы они увидели, насколько проблематичен мой

генофонд.

Лили открыла дверь, и я мысленно напомнил себе: она не знала, не знала, не знала. Только это удержало меня от крика.

– Угадай, кого я повстречал?

Другая девушка на ее месте парировала бы мое саркастическое приветствие насмешкой. «Крампуса²?» – могла спросить Лили. Или: «Скруджа?» Или: «Иуду Маккавея?» Лили, конечно же, не собиралась говорить ничего подобного.

– Позвольте взять ваши пальто?

Ни на ком из нас пальто не было.

Отец протянул ей подарок:

– Это тебе, моя дорогая.

– Я бы тоже что-нибудь принесла, – протараторила мама, – но Дэш сказал, что это не такая вечеринка.

– Кто бы сомневался, – обратился отец к Лили так, словно им обоим отлично известно, что я ничего не смыслю в вечеринках.

– Наша вечеринка и правда не такая, но спасибо за подарок, – ответила Лили.

И отец, верный своей манере, заявил:

– Ну, если это не такая вечеринка, то, пожалуй, я заберу подарок назад. – Он протянул руку, словно желая отобрать его, а потом со смехом отстранился. – Боже, это же шутка, вы что! – пояснил он, осознав, что смеется в гордом одиночестве.

² Рождественский черт.

– Отнесу его в свою комнату, – сказала Лили.

И по ее тону я понял, что мне следует пойти за ней. Но я не мог оставить маму.

– Мы пойдем поздороваемся со всеми.

– О. Хорошо. Я сразу вернусь.

В большинстве стрессовых и конфликтных ситуаций последний человек, которого вы хотите добавить в этот неприятный микс, – свою бывшую подружку. Однако, войдя в гостиную и увидев Софию, я почувствовал радость. Она всегда отлично ладила с моей мамой.

– Пойдем поздороваемся с Софией. Я ведь говорил тебе, что она вернулась из Барселоны? Может, спросишь ее, закончилось ли строительство того кафедрального собора?

– Как здорово, что вы здесь! – широко улыбнулась София, ясно прочитав в моих глаза «СОС!». – Я тут ни с кем не знакома: Бумер опаздывает, а Лили бежит всех встречать. Приятно увидеть знакомое лицо.

– Это уж точно, – улыбнулась ей в ответ мама.

– Я отойду на секунду. – Осталось обезвредить бомбу замедленного действия – отца. Он завел разговор с Лэнгстоном, и мне не нужно было его слышать, чтобы понимать: каждое вылетающее из его рта слово выставляет мою родословную в наихудшем свете.

– ...и чего так задаваться? Я имею полное право находиться здесь. Да меня пригласили сюда, ради бога!

– Я уверен, что Лили пригласила вас, сэр, – ответил Лэнг-

стон. – Но вряд ли она сделала это ради бога.

Отец на секунду сконфузился, и брат Лили воспользовался возникшей паузой:

– Мне нужно поговорить кое с кем об оленях. – И умчался в другую комнату.

Отец тут же начал озираться в поисках нового заложника для разговора.

– Пап, сюда, – позвал я.

Если в этой комнате и есть кто, способный справиться с моим кретином отцом, то это миссис Бэзил. Мне не пришлось ей ничего объяснять: она наблюдала за всем со своего диванчика и уже оценила ситуацию со знанием почти всезнающего человека. Она, естественно, не рада дуракам, но с радостью дурака приструнит.

– Я хочу тебя кое с кем познакомить. Это – бабушка Лили.

Отец бросил на нее короткий взгляд, одарив не большим вниманием, чем переходящую дорогу старушку. И сразу собрался уходить.

– Так, значит, вы – отец этого пройдохи? – спросила миссис Бэзил, разглядывая его с любопытством и одновременно кровожадно.

Отец чутка выпрямился.

– Каюсь, виноват. Во всяком случае, по словам его матери.

– О... Так вы к тому же распущены! При встрече с распутниками я нахожу весьма полезным иметь под рукой поганую метлу.

– Не уверен, что понимаю...

– Я, сэр, тоже в этом не уверена. Неважно. Почему бы вам не присесть рядом со мной? Радости от вашей компании мало, но так вы хотя бы не будете мешаться под ногами. Лили относится к этой церемонии очень серьезно, и, по моей оценке, в этой комнате вы единственный человек, который может ее испортить. Давайте сделаем так, чтобы этого не случилось.

Миссис Бэзил не хлопала приглашающе по диванной подушке, но отец послушно уселся рядом.

– Знаете, мне ведь необязательно было приходиться, – промямлил он.

Мне почти стало его жаль. Почти.

– То, что вы пришли, говорит в вашу пользу, – с милости-вилась миссис Бэзил. – А теперь не портите впечатление о вас дальнейшей болтовней. Давайте посидим и посмотрим на остальных.

Отец беспомощно подчинился.

– Принеси отцу сидра, – велела мне миссис Бэзил.

– Двойную порцию, – ввернул отец.

– В сидре нет ни грамма спиртного, – заметила она.

– Ну... сидр – это сидр, – пробормотал отец, заслужив этим мало-мальски уважительный взгляд.

Я поспешно выполнил поручение и протянул отцу две кружки, ни на одной из которых не было надписи: «Самый лучший в мире папа». Потом отправился на поиски так и не

вернувшейся Лили.

Сначала заглянул в кухню, где нашел только ее папу: вид у него был такой, будто он пытался вспомнить, какое из устройств является плитой. Затем прошел по коридору посмотреть, не закрыта ли дверь в туалет. Открыта.

Из комнаты Лили не доносилось ни звука. Я подумал, что Лили там нет. Но все равно заглянул и нашел ее там, совершенно одну. Она ничего не искала. Не смотрела в мобильный. Не меняла второпях свой праздничный плей-лист. Лили сидела на краешке кровати, глядя в пустоту. Забылась или думала о чем-то, что забудет в ту же секунду, как я произнесу ее имя, вырвав из мыслей, в которые она фигурально сбежала. Видеть ее такой было тревожно, но я не знал, стоит ли тревожить ее. Есть одиночество, взывающее о спасении, но одиночество Лили, похоже, не желало вторжения.

Я собирался тихо вернуться на вечеринку, но как только сделал шаг назад, Лили очнулась и, повернувшись, увидела меня. Может, она знала, что я все это время стоял там? Может, я совершенно ее не понимаю?

– Дэш, – произнесла она так, словно нам обоим требовалось напоминание о том, кто я.

– Вечеринка? – напомнил я. – Я могу чем-нибудь помочь? Лили покачала головой.

– Наверное, все уже готово. Да и не вечеринка это. Обычное зажжение елки.

Я заметил на ее столе неразвернутый подарок отца. Взял

и потряс его. Внутри что-то перекаатилось.

– Ну, хотя бы не чек. Хотя бы подумать пришлось. Ему или кому другому. – Я сильнее потряс подарок. – Надеюсь, он не бьющийся.

– Постой.

Я застыл.

– У меня для тебя кое-что есть. Необязательно открывать сейчас. И необязательно носить, если не хочешь. Даже если никогда не захочешь. Я просто... хотела подарить тебе это. Но ты мне ничем не обязан.

– Это что, кожаная мини-юбка? – пошутил я. – Ты убила корову и сшила мне мини-юбку?!

У нее на лице отразился такой ужас, будто я угадал. Отчего на моем лице тоже отразился ужас.

Лили слабо улыбнулась.

– Ни одна корова не пострадала при работе над этим свитером, – уверила она меня.

И я подумал: «Мать честная, свитер».

Дело не в том, что Лили не умеет вязать. По-моему, у Лили получится все, чего бы она ни пожелала сделать, будь то пятиярусный торт или сплетенная в технике макраме Мадонна. Просто свитера... У меня, как жителя Нью-Йорка, очень сложные отношения со свитерами. На улице они в тему, даже предпочтительней той же рубашки, в них не замерзнешь. Но в помещении, где температура резко подскакивает до тридцати градусов?.. С тебя начинается ручьями течь пот.

И в свитере ты как в чистилище.

Лили подошла к книжной полке и взяла кулек, завернутый в оберточную бумагу, смахивающую на салфетку или туалетную бумагу.

– Держи, – она протянула его мне.

Я разорвал обертку и нашел внутри свитер.

Первое, что бросилось в глаза – он огромен, не меньше 2X, когда у меня XL. Да тут олень уместится, если ему вдруг понадобится укрытие. Потом я заметил на нем рождественские мотивы: хотя Лили дарила его на Рождество, мне даже в голову не пришло, что он будет *рождественским*. Снежинка спереди выглядела так, словно ее сплел наклюкавшийся накануне паук. А еще были птицы. Голуби. С нашими именами. Голубка Лили держала в клюве оливковую ветвь. Мой голубь словно просто сидел в засаде.

– Ох Лили... Ну, то есть ничего себе! – Она, наверное, много времени за ним просидела. – Ты, наверное, много времени за ним просидела! – И этот свитер сочетался с ее праздничным нарядом. – Он сочетается с твоим нарядом! – У нее выдался тяжелый год, поэтому я умудрился выдать бешеную радость: – Сейчас же его надену!

Лили начала возражать, но я отгородился от ее протестов тонной закрывшей мои уши жертвенной пряжи. Найдя, наконец, ворот, продел в него голову, вынырнул на поверхность и вдохнул воздуха. Со стороны я, должно быть, смахиваю на полоумную варезку.

– Мне он нравится! – Я закатал рукава, высвобождая пальцы.

– Тебе он не нравится, – ответила Лили. – Я же сказала не надевать его. Главным должен был стать не подарок, а внимание.

– Нет. В этом подарке много всего помимо внимания. Мне никто и никогда не вязал раньше свитер. Ни родители. Ни бабушки с дедушками. Ни двоюродные бабушки из Флориды, у которых свободного времени хоть отбавляй. И уж точно ни один из моих друзей. Этот свитер для меня – особенный.

– Я не вязала его, а просто... переделала.

– Еще лучше! Переработанный материал не нанесет ущерб окружающей среде! Блестящая идея!

Боясь переборщить с восклицаниями, я слегка осадил себя. Взял Лили за руку, заставил ее поднять на меня взгляд и искренне сказал:

– Это правда один из самых лучших подарков за всю мою жизнь. Я буду носить его с гордостью. С Лили-Дэшиной гордостью.

Когда-то такие слова вызвали бы у нее улыбку. Когда-то они бы сделали ее счастливой.

Мне хотелось вернуться в то время.

– Необязательно его носить, – повторила Лили.

– Я знаю.

И, не дав ей возможности возразить, пошел к двери. Еще

чуть-чуть, и от жары на лбу выступит пот.

– Идешь? – спросил я, обернувшись. – Мама с радостью пообщается с тобой. И твой папа на кухне выглядит каким-то потерянным.

Это привлекло внимание Лили.

– Папа? В кухне? Он заходит туда только за перекусом. Если он пытается помочь, то нужно его остановить. Мама тоже там? Она хуже его!

– Твою маму я не видел.

Мы прошли по коридору в кухню и нашли ее пустой.

– Похоже, он не успел тут набедокурить, – заключила Лили, оценив обстановку. Потом взглянула на меня. – К слову о беде... прости, что так вышло с твоими родителями. Наверное, я увлеклась с приглашениями. О чем я только думала? Я путаю желаемое с реальным: то, что хочу, чтобы произошло, с тем, что скорее всего произойдет. В последнее время со мной часто такое бывает. Но это меня не извиняет.

– Все нормально, – отозвался я. Вышло неубедительно – мы оба понимали, что я лукавлю. Поэтому я перефразировал сказанное: – Уверен, все будет нормально, когда схлынет первоначальный шок. Родители будут держаться в разных концах комнаты. Миссис Бэзил присмотрит за моим отцом. Если кто и способен приструнить его, то только она.

Вернувшись в гостиную, мы обнаружили, что так оно и есть.

Пришел Бумер. Он увлеченно болтал о чем-то с Софией

и моей мамой. Его ладонь собственнически лежала на ее пояснице (Софии, не мамы) – жест, присущий новоявленным парочкам: я должен показать всем, что мы связаны не только образно, но и буквально. Подобный жест с моей стороны в то время, когда я встречался с Софией, она, наверное, посчитала бы покровительственным и смахнула мою руку прочь. А с Бумером, похоже, не против. Или не обращает внимания. Видимо, его прикосновения естественны для нее.

Мама тоже заметила этот интимный жест. Я это видел. И не сомневался: маме было бы легче, если бы ее новый муж не уехал в командировку, а находился здесь и так же поддерживал ее.

Миссис Бэзил цикнула на моего отца. Он покорился ей и тем не менее наслаждался ее компанией. Жаль. Лучше бы он помучился.

Я прямо кожей чувствовал, как мой свитер притянул взгляды гостей. В глазах присутствующих отразился смех, а следом – осознание: раз я стою рядом с Лили, значит, свитер, вероятно, связала она. И смех утих, не успев прозвучать. Все в этой комнате хотели лишь одного – чтобы Лили было хорошо, чтобы она чувствовала себя любимой. Однако, судя по взгляду дедушки Лили, он находил это уморительным.

Лили, ничего не замечая, осмотрела елку и поправила подсвечник на средней ветви.

– Пора, – сказала она больше себе, чем мне.

Она высмотрела в толпе брата, и они обменялись красно-

речивыми взглядами: «Начнем!» Бойфренд Лэнгстона, Бени, сжал его руку, и брат Лили вышел вперед.

– Минутку внимания! – прокричал он.

В своем загоне-комнате притихли животные.

В гостиной находилось не меньше двадцати человек. близкие и дальние родственники, друзья семьи, ставшие почти родными. Сливки общества Лилиной семьи. И только люди, приведенные в жизнь Лили мной – мои родители, Бумер и София, – впервые присутствовали на этой церемонии. Остальные были семьей. Мы – гостями.

– Как всем вам известно, – продолжил Лэнгстон, – год выдался непростым.

– Говори за себя! – прогремел дедушка.

Лэнгстон улыбнулся.

– Но мы все здесь, и это самое главное. Каждый год нет ничего важнее этого. Поэтому я без дальнейших церемоний передаю слово Лили.

Мне казалось, Лили ощутит заполнившее комнату тепло, сплоченность и силу собравшейся вместе семьи. Но она, видимо, слегка потерялась.

– Необязательно было говорить это, Лэнгстон, – начала она. – Я о каждом годе. Мы здесь для другого.

Наступило неловкое молчание.

Затем Бумер закричал:

– Для того, чтобы ПОДЖЕЧЬ елку!

Раздался тихий смех. София стала объяснять Бумеру на

ухо идею зажжения елки.

– Мы начнем, когда все встанут вокруг елки, – сказала Лили. – Поясню для тех, кто участвует в этом впервые: у каждого в руках будет свеча, и мы зажжем свечи по кругу – один другому. Когда дойдет очередь до дедушки, он зажжет свечу на елке, а я включу электрическую гирлянду. О, и спасибо вам, Дэш и Бумер, за елку.

– Вперед, Оскар! – отозвался один из нас.

Гости начали озираться в поисках Оскара. Тот на поклон не вышел.

Я поискал глазами маму. Она вымученно улыбалась.

Я поискал глазами папу. Он выглядел слегка озадаченным.

– Давайте же! – закричал Лэнгстон. – Дама просит сделать круг, так сделаем же его!

Мы образовали вокруг елки неровный круг. В суматохе я оказался между Софией и мамой. Бумер встал по другую руку от моей мамы. А потом, чтобы сбежать от излишне говорливого родственника Лили, рядом с Бумером встал отец. Лили раздала нам красные, зеленые и белые свечи, выключила свет и включила на музыкальном центре песню «White Christmas». Когда Бинг Кросби допел, Лили зажгла свою свечу и поделилась огоньком со свечой своей мамы. Затем ее мама зажгла свечу своего мужа. Передача огня пошла по кругу. Никто не произнес ни слова. Мы просто следили за процессом, ожидая своей очереди. Дедушка Лили долго вы-

бирался из кресла, чтобы занять свое место, но, когда настал его черед зажигать свечу Лэнгстона, рука его была крепка и не дрогнула. Лэнгстон передал огонь Бенни, а тот – Софии. София улыбнулась и, прикрыв огонек рукой, повернулась ко мне.

Бумер, у которого София была первой девушкой, решил, что принять огонь Софии – его прямая обязанность как бойфренда. Он втиснулся между мной и Софией, и та, не желая никому мешать, коснулась его свечи своей. Потом я стойко выдержал танец друга вокруг моей свечи, молча молясь о том, чтобы огонек не потух. Бумер зажег мою свечу, я повернулся к маме и увидел ее потрясенное лицо. Из-за маневра Бумера она оказалась рядом с моим отцом. И с этим ничего нельзя было сделать, не подняв шум.

Ничего страшного, – успокаивал я себя. – Мои родители – взрослые люди. Они могут вести себя по-взрослому.

Рука мамы сильно дрожала, и я боялся, как бы она не уронила свечу. Зажечь фитиль нам удалось лишь с третьей попытки.

– Все хорошо, – шепнул я маме. – Ты молодец.

Она кивнула так слабо, что вряд ли это кто-то заметил. Затем повернулась к своему бывшему мужу и протянула к нему руку со свечой.

На секунду мне показалось, что все обойдется. На секунду их свечи соприкоснулись, как у всех остальных. Секунду мама смотрела на свечу, пока отец смотрел на нее.

А потом отец открыл рот.

Мама не глядела на него. Она не ожидала подвоха. И не была готова к словам отца.

– А я-то думал, ты уже никогда не зажжешь мой фитиль.

Шок был настолько сильным, настолько настоящим. Мама отпрянула. И уронила свечу. Пока она обзывала отца ублюдком, под елкой загорелась оставленная кем-то воскресная газета. Пока отец объяснял присутствующим, что она никогда не понимала шуток, на полу заплясали огненные язычки.

Я думал, все как-то среагируют. И, может, среагировали бы, но это я был членом ругающейся семьи и это я привел сюда маму с отцом.

Нужно погасить огонь. Нужно его погасить. Я плюхнулся на свечу и газету животом. Огонь я потушил. Но лишь падая осознал, как сглупил: я мог поджечь самого себя. К счастью, этого не случилось. Я лишил огонь кислорода. Потушил разожженный отцом костер.

Лили визжала. Лэнгстон орал. Бумер бросился тушить тушителя.

– Закрой глаза! – крикнул кто-то.

Я послушался, и меня обдало пенистой химической субстанцией, как раз когда Бумер навалился на меня сверху.

На мгновение воцарилась тишина.

Затем прозвучало:

– Можешь открыть глаза.

Я опять послушался и обнаружил стоявшую надо мной

и Бумером миссис Бэзил с внушительным огнетушителем в руках. Нас с Бумером покрывала пена.

Мама опустилась рядом на колени.

– Ты в порядке?

Я кивнул, ткнувшись подбородком в ковер.

– Бумер, ты его раздавил, – мягко заметила мама.

В точку!

Бенни с Лэнгстоном помогли Бумеру подняться. Потом Лэнгстон протянул руку мне. И стоило мне встать, вздохнул:

– Ох, не к добру это.

Я пострадал? Ожог настолько сильный, что я его не чувствую?

Да нет. Я в порядке.

Только свитер испортил.

На нем осталось опаленное пятно и разводы от воска. Мой голубь походил на поджаренный зефир. Лилина голубка выглядела так, будто слишком близко подлетела к солнцу. Снежинка стремительно растаяла.

Я поднял взгляд и увидел Лили. А в ее глазах – все, что мне нужно было знать. Ей хотелось плакать, но она сдерживалась. Что еще хуже слез.

– Прости, – извинился я.

– Не стоит, – ответила она. – Это все неважно.

Все вдруг разом заговорили. Включили свет. Моя мама глубоко дышала, а отец...

Отец ушел.

Миссис Бэзил настояла на том, чтобы осмотреть меня на предмет «шалых ожогов». Бенни пошел разливать гостям сидр. Гости задули свои свечи и положили их на пол, где до этого лежала газета. Лили включила электрическую гирлянду. Никто не охал и не ахал от восторга.

Я понятия не имел, как все исправить.

* * *

Мы все сплотились, пытаюсь заполнить квартиру радостным шумом. Но мы словно пытались перекрыть один шум другим, а заодно с ним и неопределенность, обосновавшуюся на нашей вечеринке и не желавшую ее покидать, как бы ей ни указывали на дверь.

Я планировал остаться допоздна. Помочь Лили убраться, поговорить о случившемся, попробовать обернуть трагедию в комедию. Но когда родственники стали собираться по домам и София с Бумером отправились на вечернее свидание, Лили без обиняков отпустила и меня, сказав, что мне следует уйти домой вместе с мамой.

Как только мы с мамой покинули квартиру Лили, стало совершенно ясно: мама Не Хочет Ничего Обсуждать. Когда мы вышли на нашей станции метро, пришло сообщение от отца.

«Прости, что ушел. Казалось, так будет лучше».

Я не стал ему отвечать.
Казалось, так будет лучше.

15 декабря, понедельник

Позже я отправил Лили сообщение, узнать, как она.

Ответа не получил.

На следующий день я из школы написал ей еще несколько раз. Сначала узнать, как она. Потом понять, насколько все плохо.

Игнорирование на нее не похоже.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.